

Раньше, когда она умирала, то лежала в её объятиях, вся в крови, изувеченная, словно разорванная кукла после жестокого насилия, слабо кашляя кровью. И в каждом перерождении произносила одни и те же слова.

Независимо от своего характера — мрачного, странного, злобного, наивного, доброго, нежного, бесчувственного, гордого — за тысячелетия перерождений она видела всякую.

Но всегда, перед самой смертью, она лежала у неё на руках, её покрасневшие глаза наполнялись слезами, она трогала её лицо и, тоскуя, звала по имени, требуя поклясться.

Забыть её.

Не продолжать мучить себя жизнь за жизнью.

Но это всегда было завершением, словно идеальное прощание. Та, кого она любила, умирала снова и снова, а она была бессильна и могла лишь уснуть вместе с ней.

Сон длился всего несколько десятилетий, а в этом бесконечном путешествии ей приходилось идти одной.

Но теперь Цинь Чаншэн исчезла.

Словно все её многовековые страдания были лишь смешной шуткой. Она не увидела завершения пути Цинь Чаншэн — та исчезла у неё на глазах.

Просто исчезла.

Цзян Чжунсюэ заставила себя успокоиться, но в ушах стоял навязчивый гул. Она понимала, что её разум начал колебаться. Цинь Чаншэн исчезла, и она, похоже, снова погружалась в сон.

Но на этот раз всё было иначе. Цинь Чаншэн не умерла окончательно. Если бы Цинь Чаншэн умерла, она бы тоже уснула, и лишь когда её душа переродится в мучительном мире мёртвых, она почувствовала бы зов Призрачного Ока семьи Цинь и снова пробудилась.

Но сейчас она не ощущала привычного неодолимого желания уснуть. Цзян Чжунсюэ глубоко вздохнула несколько раз, подняла нож и сделала несколько надрезов на запястье.

Кожа на её запястье была белой, как нефрит, и острый клинок оставил на ней трещины, словно камень, разбитый на куски.

Но в мгновение ока эти трещины начали медленно заживать.

Цзян Чжунсюэ глубоко вздохнула, опустилась на колени, вставила нож обратно в подошву своей обуви и поднялась.

Она взяла телефон и позвонила Цинь Шифэну.

На том конце провода раздалось два гудка, и голос Цинь Шифэна прозвучал слегка рассеянно:

— Чаншэн?

Цзян Чжунсюэ понизила голос, осмотрелась вокруг и осторожно начала:

— Это я.

Цинь Шифэн явно удивился и серьёзно спросил:

— Что случилось? С Чаншэн что-то не так?

Цзян Чжунсюэ рассказала ему о том, что произошло с ней и Цинь Чаншэн. На том конце провода Цинь Шифэн нахмурился.

— Ничего подобного раньше не случилось, наша семья никогда с таким не сталкивалась.

Затем он подумал о своей младшей сестре, у которой уже открылся Призрачный Глаз. Как бы то ни было, она не должна была умереть, но если Чаншэн действительно не справится, то...

В его сердце поднялось невыразимое чувство бессилия.

— Цзян Чжунсюэ, ты давно знакома с нашей семьёй, ты знаешь всё о делах Цинь. Ничто в наших действиях от тебя не скрыто, но я действительно не знаю, что это может быть, — с сожалением сказал он.

Цзян Чжунсюэ кивнула и вдруг сменила тему:

— Есть новости от семьи Юй?

Цинь Шифэн слегка опешил, не понимая, зачем она об этом спрашивает. Но раз уж она спросила, он ответил честно:

— С семьёй Юй всё сложно. Юй Инь, которая поручила нам расследование, взяла людей на гору Цзи, и, не знаю как, но все, кто вернулся, сошли с ума, а один человек умер. Это ты сделала? Я же говорил, не стоит связываться с семьёй Юй. Теперь эта Юй Инь тоже пропала, и мать семьи Юй заявила, что оторвёт мне ногу!

Цзян Чжунсюэ слушала его и кивнула:

— Это я сделала. Считай на мне. И ещё, ты хочешь знать, где Юй Инь?

Цинь Шифэн услышал первую часть и лишь горько усмехнулся. Услышав вторую, спросил:

— Что, Юй Инь вам досаждала? Семья Юй действительно требует её выдачи! В конце концов, это её родная дочь, и неважно, кто находится в этой оболочке, это тело всё же родила мать семьи Юй.

Цзян Чжунсюэ кивнула и твёрдо сказала:

— Юй Инь сейчас тяжело ранена. Она находится у подножия обрыва на горе Цзи, у неё сломана нога, половина лица разрушена, всё тело в ранах. Она полностью уничтожена.

Дыхание Цинь Шифэна замерло, и через некоторое время он неуверенно переспросил:

— Что ты сказала?

Цзян Чжунсюэ пошевелила пальцами, её взгляд был ледяным.

— Я хочу, чтобы ты нашёл её и сделал всё возможное, чтобы спасти — хотя она, вероятно, сможет выжить и сама. Верни её семье Юй, постарайся восстановить ей руки и ноги, я знаю, что современная медицина способна на это. Кожу тоже нужно восстановить, чтобы у неё была

надежда на жизнь, чтобы она чувствовала, что может жить хорошо.

Цинь Шифэн на том конце провода взорвался:

— Да ты с ума сошла! Ты хочешь, чтобы мать семьи Юй увидела свою дочь в таком состоянии? Сломанную ногу, изуродованное лицо? Ты безумна!

Цзян Чжунсюэ усмехнулась:

— Я безумна? Цинь Шифэн, кто здесь безумен? Ты не сошёл с ума, когда родилась Чаншэн? Как и твой дед, вы все гораздо безумнее меня!

На том конце провода раздалось тяжёлое дыхание. Голос Цинь Шифэна замолчал на несколько секунд, затем он понизил голос, словно отдавая кому-то указания в стороне.

Рядом раздался звук удаляющихся каблучков, стучащих по деревянному полу, и дверь закрылась.

Лишь тогда Цинь Шифэн повернулся к трубке и прошипел:

— Ладно, я не буду с тобой спорить. Мы, семья Цинь, сумасшедшие, мы поколениями сходим с ума, все братья Призрачного Ока сходят с ума с момента его открытия! Ты довольна?

Цзян Чжунсюэ молчала.

Цинь Шифэн вздохнул:

— Цзян Чжунсюэ, я знаю, что ты заботишься о Чаншэн. То, что сделал дед, было не без причины.

Цзян Чжунсюэ холодно фыркнула, уголки её губ изогнулись в насмешке.

— Он знал, кто такая Божэ, и всё же женился на ней, устроил пышную свадьбу, открыто привёл такую важную персону в дом. Разве вы, семья Цинь, не достаточно обременены проклятиями?

На лбу Цинь Шифэна вздулись вены. Он сжал трубку, с трудом сдерживая эмоции, и сказал, стараясь говорить мягко:

— Моя бабушка уже умерла, Цзян Чжунсюэ, забудь о разногласиях между моим дедом и тобой. Предыдущая Цинь Чаншэн умерла, а нынешняя — моя родная сестра. Я обещаю тебе, я не совершу ошибки, я не погублю свою родную сестру, поверь мне.

Цзян Чжунсюэ молча слушала его. Услышав это заверение, она внезапно почувствовала, как в сердце поднимается волна печали. Она вздохнула и произнесла спокойно, с глубокой скорбью:

— Предыдущая Цинь Чаншэн была твоей тётей, а эта — твоя родная сестра. Ты считаешь, что твоя тётя умерла, и это не вызывает у тебя эмоций, только эта родная сестра имеет для тебя вес. Но для меня они обе — просто Цинь Чаншэн.

Цинь Шифэн на мгновение замолчал, его голос смягчился. Мысль о том, что нынешняя Цинь Чаншэн бесследно исчезла, породила в его душе смутную растерянность.

Держа трубку, он долго колебался, но в конце концов вздохнул и спросил:

— Тебе не тяжело, Цзян Чжунсюэ?

Даже будучи её родным братом, даже связанный кровными узами, он, так сильно заботящийся о Чаншэн, порой чувствовал растерянность и бессилие перед таким туманным будущим и неотвратимой судьбой. Каждую ночь, ворочаясь в постели, он ощущал глубокую беспомощность.

Он уже готовился к худшему.

Уход близкого человека причинял невыносимую боль, но он был бессилен. Он мог лишь помогать Чаншэн и быть готовым к её уходу.

Разве это не было проявлением покорности судьбе?

Цзян Чжунсюэ спокойно ответила:

— Я привыкла.

Она снова положила телефон в карман.

<http://bllate.org/book/16269/1464355>